

ДОМАШНИЙ КЛУБ
Гостем "Домашнего клуба" сегодня стал наш земляк, член Союза писателей, ответственный секретарь Камчатской писательской организации, хозяин "Светелки" Николай Васильевич Санеев.

ЧЕЛОВЕК, ВОСПЕВШИЙ КАМЧАТКУ

Его литературное рождение и вся жизнь неразрывно связаны с Камчаткой. В местных и столичных издательствах вышли его книги: "Сероглазка, любовь моя...", "Шкипер", Иван Малякин, "Будни рыбака", "У крошки России", "За вычетом штормовых", "Не сотвори беду", "Какая бывает весна", "Среди снегов белых".

Но не только художественная литература - удел Николая Санеева. Недавно в издательстве "Современник" вышел его сборник документальной прозы "Не сотвори беду". Тираж издания - 50 тыс. экземпляров.

Его небольшая квартира битком набита книгами: настоящее нашествие книг. Они шепчутся на полках шкафов, сервантов и собственно библиотеки в кабинете писателя. Хозяин то и дело грозит списать их на свалку, отчего книги замолкают и даже встают шуршать страницами.

Николай Васильевич родом из крестьян - казаков, родился на хуторе Богатом Сталинградской области, затем мытарствовал с родителями в шахтерском городке Антрацит на Луганщине. С хутора их согнала поголовная коллективизация. А на месте его родного хутора было образовано искусственное Цимлянское море - мелкое и, по большому счету, никому не нужное.

Сегодня Николай Васильевич называет Камчатку своей второй родиной, потому что первую у него отняли. Здесь он живет почти сорок лет - с 1961 года. У него двое детей и пятеро внуков.

-Как получилось, что вы из центральной России попали на Камчатку?

-Я работал в колхозе недалеко от села Красная Поляна. Писал в газету материалы "с борозды" о механизаторах, которые сажали тогда кукурузу квадратно-гнездовым способом, как было модно. И был там один старик. Он приехал с Камчатки, из Оссора, и рассказывал столько удивительного об этом крае, что загорелось мне поехать и самому посмотреть на него. Секретарь нашего горкома называл меня сумасшедшим, отговаривал. Даже работу предлагал в областной газете. Но повлиять на мое решение было уже невозможно. К этому времени я уже был женат, у меня был сын. Все поехали вслед за мной на Камчатку. А Камчатка оказалась большой, живописной и прекрасной. Кстати, Камчатка, если вы не знаете, дала начало творческой жизни Петра Проскурина.

-Довольны ли вы своей писательской судьбой?

-Конечно. Переезд на Камчатку дал мне большой творческий толчок. Я работал корреспондентом в "Камчатской правде" и никогда не сидел на месте. Я постоянно мотался в командировки: то по табунам с каюрами, то по морям с рыбаками. Материалов было страшно много, потому что я использовал каждую минуту, чтобы писать, постоянно слал в редакцию очерки - о людях, о проблемах и даже просто ни о чем. Газета стала для меня тесноватой, потому что не успевала перелопачивать все, о чем я писал. Так случилось с моей повестью "Шкипер Иван Малякин". Я писал биографические очерки о Малякине, находясь в море на БМРТ, и слал материалы в газету прямо оттуда. С приходом суда на порт я поставил точку, окончив повесть. Всего получилось 15 очерков, которые были опубликованы в газете. Затем журнал "Дальний Восток" напечатал "Ивана Малякина" целиком, он вышел одной повестью. А потом эта повесть была издана отдельной книжечкой. Чуть позже эту же книжку издало московское издательство "Советская Россия". Короче говоря, "Иван Малякин" выдержал 7 изданий.

-Вы надеялись на подобную судьбу своего творения?

-Нет, конечно! Моей единственной заботой было поскорее написать материал и вовремя отправить его в редакцию. Для меня страшной угрозой тогда была фраза редактора: "Пиши, а то мы на этой странице твой портрет напечатаете, если не успеешь сдать материал". Да, так часто было - пишешь журналистские очерки, а они потом переходят в журналы, складываются в книжки. Почему же мне быть недовольным своей литературной жизнью? Сегодня мои книги можно найти в республиканских библиотеках всего бывшего Союза. 5 книг вышли в столице, а это не так просто. Это жуть! У той кормушки своих писателей хватает, а тут какой-то там Санеев из провинции. Я считаю, что в то время это было сверхсложно.

Удивительно, но в той школе, где я до войны учился (в Донбассе), очень внимательно следили за моим творчеством. Все, что я присылал: любое письмо, книжку или публикацию, вывешивалось на стенде, менялось. За этим следил педколлектив, и даже назначались ответственные. Так читали своего ученика. Эту школу я часто вспоминаю. Когда до нас стала докучаться война, мы вышли рыть окопы во дворе, чтобы прятаться от бомбежек. Грохотало тогда совсем рядом, а ночью были видны всполохи. На этом моя спокойная учеба закончилась. Чего только потом в моей жизни не было: и оккупация, и приключения разные, и тюрьмы. Все!

-Вас черт не дергал написать какой-нибудь бульварный романчик? Легкое читиво на любовно - кровавую

тему, которое для некоторых писателей становится средством зарабатывания денег?

-Нет, я же в другое время жил. Мне и в голову такое не могло прийти: писать так, как пишут сегодня. К тому же то, что раньше называлось очерком или повестью, сегодня называют романом. Даже глупость какую-то могут назвать романом. Впрочем, не в названии дело. У меня нет глубокого интереса читать бульварную литературу. Я безумно счастлив, что жил и работал в то советское время. Именно оно и подходило для меня, как журналиста, дало выход моей энергии. Тогда люди "горели" и стремились построить светлое будущее. Было ради чего жить.

-Вы не думали о том, чтобы дети или внуки пошли по вашему писательскому пути?

-Нет. Ни у кого из них не было склонности к творчеству. Только вот одна внучка начинала писать стихи еще в детстве. Когда ей было 12 лет, в "Камчатской правде" были однажды опубликованы ее стихи. Она даже пыталась вести переписку, складывала в отдельную папку и то, что я пишу, но... надолго ее не хватило. Сейчас она учится в Новосибирске и пока, во всяком случае, литературой не занимается.

-Как вы стали членом Союза писателей?

-Я думаю, мне повезло. Чтобы попасть в Союз, нужно 2-3 книжки иметь. Да и издать их было большой проблемой: хороших издательств мало, а желающих - пруд пруди.

А у меня история вышла замечательная. В тот год готовились отмечать 100-летие со дня рождения Ленина. Тогда все подводилось под юбилей (сморгаться и то нужно было в его честь). Вдруг к нам приезжает из Госкомиздата главный начальник. "Как же так, - говорит он, - у вас колхоз имени Ленина есть на краю России, самый крупный в Союзе, а вы ничего не готовите к юбилею!" Пригласили на беседу председателя колхоза имени Ленина. Тогда им был Старицин - легендарный, я считаю, человек. Вот он и назвал мою фамилию, как журналиста, который приходил к ним пару раз и чего-то писал. Решили они в обкоме, меня не спрашивая, что я книжку буду писать про этот колхоз. Потом вызвали меня и сказали, что так, мол, и так. Надо. Даже освободили меня от работы в газете на тот период, пока я книгу писать буду. Я сначала думал, что писать ее надо как в газету - быстро. И определил срок - 2 месяца. А когда уже работать начал, то понял, что не успеваю. Оказывается, книга не так быстро пишется.

В отличие от многих писателей я абсолютно не знал трудностей, связанных с изданием первой книжки. Заботились об этом другие: директор издательства из Владивостока раз в месяц ко мне приезжал, чтобы посмотреть как движется у меня книга. Подталкивал меня. А на него из Москвы давили. Книга с ее ленинско - коммунистической тематикой на фоне трудовых будней моряков была так нужна, что они все вокруг меня крутились. Я, как журналист, тоже заинтересован был работой. О колхозе я знал, наверное, больше, чем сам председатель. Но еще раз подчеркну: я не думал тогда, что не успею написать. А когда это понял, то мои руководители направили меня на месяц в хабаровскую партшколу на курсы. Еще один месяц появился у меня в запасе. Правда, стыдно было: там люди учились, на лекции ходили. А я в аудитории вместе с ними сижу, а пишу свое. На работу ушли в общей сложности 4 месяца.

Так я написал книжку "Сероглазка, любовь моя". Она вышла стремительно - ее подталкивали все: обком был заинтересован, Госиздат. Во Владивостоке ее красочно оформили, красиво намазали, ее сразу отметили. Мне было предложено сразу перейти ко второй книге.

Я думаю, что благодаря этой книге, я и стал писателем. Она помогла мне почувствовать вкус к писательскому творчеству.

Сегодня, вот уже 25 лет подряд, Николай Васильевич Санеев возглавляет писательскую организацию Камчатки. Он стал создателем и директором школы юных литературных дарований, где учатся 40 человек. Дом писателей в Петропавловске, его "Светелка" уже давно стали центром культуры: здесь проходят поэтические турниры, концерты и лекции. А сам Николай Санеев - хозяин и душа "Светелки". Он мастерски читает стихи Пушкина, Есенина и своих молодых учеников.

"ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПЯТЕРКА"

АНКЕТА

РОДИЛСЯ: Николай Васильевич Санеев в первый (по календарю) день весны 1929 года. Думал - в глуши спокойнее. Но судьба сложилась иначе.

КРЕСТИЛСЯ: доподлинно неизвестно. По поводу собственного отношения к вере Николая Васильевича лучше всего спрашивать в самолете во время "болтанки", так как в будничной жизни он об этом не задумывается.

УЧИЛСЯ: пять классов Николай Васильевич окончил до войны. Это были последние спокойные годы учебы. К 20 годам окончил семилетку. После службы в армии днем работал, вечером учился в школе, затем в Ростовском университете заочно. Однако в душе считает, что у него нет не только высшего, но и среднего образования. До сих пор во сне сдает университетские "хвосты".

ЛЮБИМОЕ ЖИВОТНОЕ: ко всем животным писатель относится равнодушно. Домашних животных у него никогда не было и, наверное, уже не будет. Проблем хватает и без них.

Как телеэксперт, Николай Васильевич Санеев оказался абсолютно некомпетентен. Как выяснилось, телевизор он смотреть не любит, так как программы вызывают в нем раздражение.

